

земляк, на грибы наступаешь! Видишь, листва приподнялась — значит, гриб! Нагнись, присмотришь, срежь его ножичком, чтоб грядница осталась».

Вот это грибник!

Михайлов день

Мы прилично походили по даче, я почти промок, остановились около ворот. Михаил Николаевич постоял, подумал и говорит:

— Подожди немножко, я принесу тебе подарок.

Через какое-то время он возвратился и подал мне пакет, в который была завернута книга.

— Не открывай, а то дождичком замочит! В Доме творчества посмотришь. Вот осенью поеду на малую родину, заеду к тебе на недельку. В последние годы свой день рождения я праздную около Вишневого омута.

— Михаил Николаевич, у вас же в мае день рождения!

— Спасибо тебе, дорогой, но мне нельзя к ногам ничего горячего!

Я расстроился. Михаил Николаевич расстроился не меньше меня:

— Дай я тебя обниму!

И он прижал к своей груди.

Сталинград Михаила Алексева

— Выступая в Центральной библиотеке имени Ленина, я говорил: «Мой Сталинград» — это действительно мой город, и каждый, кто был там, мог так сказать.

У меня много боевых орденов и медалей: два ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны II степени, две медали «За боевые заслуги» и много ещё других.

Первую боевую награду — медаль «За боевые заслуги» я получил в Сталинграде за то, что сменил выбывшего командира роты, и вывел бойцов из окружения.

Но для меня самая дорогая награда —

Во Франции я посетил мемориал Второй мировой войны: они собрали кинохронику всех союзников-победителей.

Две двери. На левой написано: «1945», на правой: «1939» — год начала Второй мировой войны. Медленно спускаешься по покатоному пандусу — и попадаешь на войну: повсюду стрельба, грохот рвущихся авиабомб и рухнувших наземь домов. Если на нижней точке спуска посмотришь вверх, увидишь огромными буквами по-немецки написанное слово: «Сталинград». Отсюда и начинается подъём к победе.

Я лично написал письмо на имя нашего президента с молитвенной просьбой: «Верните городу название Сталинград! Это же символ победы над фашизмом не только для нас, но и для всего мира. Нас становится всё меньше и меньше, но пока будет Россия — будут наследники победителей в Сталинграде».

Надеялся, что на праздновании 60-летия Сталинградской битвы в Волгограде что-то произойдёт... А-а, да что там, — Михаил Николаевич с досадой махнул рукой, — зайди в Союз писателей, найди газету «День литературы». В материале Галины Платовой хорошо о том сказано.

«Солдаты» как подарок

Каждый раз я уходил от Михаила Николаевича с дорогим подарком.

— Вот тебе, земляк, мой первый роман «Солдаты». В 2002 году исполнилось 50 лет со дня выхода. Долгожитель. И главное, читают и у нас, и за рубежом.

Книга выпущена в великолепной обложке Приволжским книжным издательством в 2003 году в Саратове. Пожимая мне руку, Михаил Николаевич сказал:

— Приятно было получить мне такой подарок к своему 85-летию. Спасибо землякам!

Лирическая повесть в письмах

В январе 2005 года Алексеев позвонил: — Эдуард, жду тебя 19 января, в день Крещения Господня в Союзе писателей на Комсомольском: мне будут вручать Всероссийскую литературную премию «Имперская культура» за повесть в письмах «Через годы, через расстояния». Не подведи! Ты у меня в списке.

18-го я был на железнодорожном вокзале Самары, но плацкартных мест не оказалось, и я уехал только назавтра и на церемонию опоздал.

В Переделкино за чашкой густого чая с мёдом Михаил Николаевич рассказал, как всё прошло и ещё вот что.

— К сожалению, не дождавшись всего одного месяца, ушла из жизни девушка моей юности Оля Кондрашенко, без которой эта книга никогда бы не вышла, — погрустнул

написал повесть. Она вышла в прошлом году под названием «Через годы, через расстояния», хотя первоначально название повести было такое: «Лирическая повесть в письмах».

Все узнали о нашей большой любви. Но не узнает о ней только Ольга Николаевна — книга вышла после её смерти.

На прощание патриарх советской литературы подарил мне собрание сочинений в шести томах издательства «Молодая гвардия», а на титульном листе первого тома оставил автограф.

— Сохранил один экземпляр шеститомника, хотя и вышел он почти двадцать лет назад, — задумчиво проговорил Михаил Николаевич, обнимая меня. — Всё лежал на всякий случай. И вот он, случай подвернулся. Я люблю тебя, прижимаю к сердцу, как Александр Фадеев меня когда-то пригнул на груди. Удачи тебе в творчестве...

Про премии

— Кто-то подсчитал, что я лауреат 73 литературных премий, — сказал Михаил Николаевич. — С «Имперской культурой» получится 74. А вот две главные премии прошли мимо меня — Сталинская и Ленинская. Был в списках награждённых утверждён, но в самый последний момент меня вычеркнули. О Сталинской много писали и говорили, а вот с Ленинской была тишина.

Между прочим, члены комитета по Ленинским премиям единодушно проголосовали за присуждение Ленинской премии автору «Драчунов», но после статьи Миши Лобанова «Освобождение» в журнале «Волга», вмешался ЦК КПСС, и премию мне не дали.

Взывая к памяти России

20 мая 2007 года позвонила Диана Кан: «Где ты пропадёшь? Дозвониться не можем. Вчера Алексеев умер». Трубка выпала из рук...

В Самарской области почитатели таланта Михаила Алексева узнали о его кончине из газеты «Волжская заря» от 23 мая, где работавшая в то время заведующей отделом культуры известная российская поэтесса Диана Кан дала большой некролог с портретом писателя.

А центральные СМИ промолчали. Через месяц в Союзе писателей России состоялось вручение ордена Петра Великого I степени семье Михаила Алексева. Эта награда Академии безопасности и правопорядка готовилась большому писателю при его жизни, но была вручена посмертно.

Из рук Героя Советского Союза М.Борисова награду приняла внучка Алексева Ксения, которой когда-то дед посвятил один из лучших своих романов «Драчуны».

А на родине Михаила Николаевича, в селе Монастырское, по решению Совета депутатов Симоновского муниципального образования и непосредственном участии главы сельского поселения И.П.Трышкина была торжественно открыта мемориальная доска Михаилу Алексеву — писателю-фронтовику, Герою Социалистического труда, почётному гражданину Саратовской области. Этот народный проект осуществили жители села Монастырское, которые проявили инициативу и вложили собственные средства в увековечивание памяти знаменитого земляка. Мемориальная доска была установлена на фасаде.

Константин Скворцов в статье «У Вишневого омута» написал: «Неподалёку от могилы Михаила Николаевича на Переделкинском кладбище стоит расколотая молнией ива. Неслышно течёт река Сетунь. Плачет ржавыми слезами небольшой родник. С грохотом, от чего вздрагивает земля, проносятся по дороге автомобили...»

Но в недолгие минуты затишья, в предутреннем тумане заливаются и нестерпимо громко на всю Россию поют соловьи, взывая к её памяти.

Ведь она так неслышно похоронила своего великого сына...

— Не всё ты знаешь. Когда я поступал в 1936 году учиться в Аткарское педагогическое училище, необходимо было предоставить метрическую выписку. Сделали запрос в сельсовет села Монастырского. А там метрик не оказалось: в тридцатом году они были уничтожены местным атеистом, вот они и решили дату взять с потолка. Записали: 6 мая 1918 года. А я родился 29 ноября. Ни о какой другой дате и слышать не хочу. Главное тут вот что. В прежние времена новорождённые наследовали имена святых. Значит, я родился в районе Михайлова дня, раз Михаилом назвали. А Михайлов день бывает только в ноябре.

— У меня тесть родился в ноябре, — подтвердил я. — И день рождения ему всегда отмечаем на Михайлов день. И звать-величать его Михаил Ильич.

— Вот и я о том же. Даже в своих биографиях писал об этом. Найди мою книгу «Меж дней бегущих», там, в статье «Познай самого себя», об этом я рассказал.

Михаил Николаевич крепко пожал руку: «Жди поздней осенью. Обязательно приеду к тебе...».

В комнате Дома творчества я достал из пакета подаренную мне книгу. Это оказалась трилогия «Драчуны. Карюха. Рыжонка», изданная к 80-летию автора благодаря губернатору Саратовской области.

Топинамбур

Я всё думал, как бы помочь Михаилу Николаевичу с его больными ногами и вспомнил: у меня в саду растёт топинамбур — земляная груша. И мой друг, актёр, режиссёр, поэт Володя Осипов, когда бывает у меня, всегда прикладывает широкие листья растения к своим ногам, говорит, боль на время затухает.

Всё лето я собирал листья земляной груши, связывал пучками, сушил в тени, на ветерке, чтоб солнце на них не попадало. И собрал целый пакет! Приготовить снадобье — пустяк: надо опустить листья в кипяток, а когда они размягчатся, приложить к ногам, затем укутать ноги полотенцем, и всё!

И вот, когда я привёз своё лекарство Михаилу Николаевичу, оказалось, зря собирал.

медаль «За оборону Сталинграда». Вот подожди, что покажу...

Михаил Николаевич поднялся из-за стола, подошёл к книжному шкафу, достал из какой-то коробочки уже пожелтевший, вчетверо сложенный лист бумаги. Я развернул его:

**За нашу Советскую Родину
Удостоверение
За участие
в героической обороне Сталинграда
Политрук
Алексеев Михаил Николаевич
Указом Президиума
Верховного Совета СССР
от 22 декабря 1942 г.
Награждён медалью
«За оборону Сталинграда»**

Это была не орденская книжка, а обыкновенный плотный лист бумаги, уже изрядно пожелтевший.

— Сразу после журнальной публикации романа «Мой Сталинград» я был приглашён посетить Францию. Приглашения пришли сразу из четырёх городов, и всё французы повторяли: «Там, на Волге, вы спасли не только свою страну, но и нас».

Алексеев. — Это была совершенно потрясающая женщина. Шестьдесят лет она хранила все мои письма, которые я присылал ей из Сталинграда, потом с Курской дуги, из-за Днепра, из Венгрии, Румынии, Австрии, Чехословакии... до самого последнего дня моего участия в Великой Отечественной войне...

У нас была влюблённая и светлая переписка. На её основе я на одном дыхании